

Российское общество в условиях пандемии COVID-19

DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9195
EDN IEOPXY

УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

М. Е. Позднякова¹, В. В. Брюно¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Употребление алкоголя в России в условиях пандемии COVID-19 // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 25–44. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9195. EDN IEOPXY

Аннотация. Статья посвящена анализу основных изменений в употреблении алкоголя в период распространения коронавирусной инфекции в России. Работа опирается на результаты онлайн-опроса городского трудоспособного населения 18–60+ лет (май – август 2020 г.), а также нескольких волн предыдущих онлайн-исследований (2009–2018 гг.), проведённых сектором социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН. Проведение онлайн-опросов сопровождалось вторичным анализом имеющихся статистических и социологических данных по исследуемой проблематике (Росстат, Минздрав, ВЦИОМ, российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) и др.), отражающих показатели употребления алкоголя в различных группах населения.

В работе рассмотрено, какие изменения произошли в моделях употребления спиртного и повседневных алкогольных практиках в начале пандемии (частота и характер потребления спиртного и опьянения, мотивы потребления, отношение к алкоголю) в различных возрастных группах. Показано, что, несмотря на позитивный тренд последних десяти лет на снижение алкопотребления, к моменту пандемии алкогольная ситуация в России сохранялась напряжённой. Выявлен ряд социальных факторов риска, которые явились катализаторами увеличения употребления алкоголя в некоторых группах населения: 1) стресс, 2) изменение социального и материального статуса и 3) высокий уровень привычного потребления спиртного (степень алкоголизации индивида). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что, хотя пандемия не привела к повсеместному существенному увеличению потребления алкоголя среди городского населения, существуют группы риска, которые увеличили потребление алкоголя в период пандемии больше, чем другие. Пандемия усилила негативные тенденции алкоголизации городского населения, наблюдавшиеся в допандемический период.

Ключевые слова: алкоголь; трудоспособное население; модели алкогольного потребления; пандемия COVID-19

Введение

Беспрецедентные меры, принятые по сдерживанию распространившейся в мире в 2020 г. коронавирусной инфекции, включая закрытие границ, повсеместное введение социального дистанцирования и локдаунов, серьёзно повлияли на вовлечённость населения в употребление спиртного и непосредственно на алкогольные практики.

Цель данной работы — анализ новых тенденций алкогольной ситуации и особенностей употребления спиртного в условиях пандемии COVID-19. В задачи исследования входило: изучить динамику распространённости употребления алкоголя среди городского населения в допандемический период и в начале пандемии (2020 г.), определить, какие изменения произошли в моделях употребления спиртного и повседневных алкогольных практиках в начале пандемии (частота и характер потребления спиртного и опьянения, мотивы потребления, отношение к алкоголю) в различных половозрастных и социальных группах, рассмотреть роль различных факторов, влияющих на алкоголизацию в условиях пандемии, проанализировать, как адаптировались потребители спиртного к ситуации введённых противозидемических мер.

Эмпирическая база и методы исследования

В 2020 г. (с мая по август) был проведён онлайн-опрос среди городского трудоспособного населения от 18 до 60+ лет (N=1259). Дополнительно были использованы материалы наших предыдущих исследований (волны онлайн-опросов 2009–2018 гг.)¹. Все онлайн-опросы городского трудоспособного населения были проведены по многоступенчатой квотной выборке². Известно, что Интернет-аудитория немного «сдвинута» в сторону более молодого (15–24 года), образованного и обеспеченного респондента — жителя города — пользователя Интернета. В этой связи выборка для онлайн-опросов была скорректирована по полу, возрасту и месту жительства респондента³.

В анкете было представлено несколько блоков вопросов, посвящённых изменению образа жизни горожан в связи с пандемией и изменению их алкогольного поведения. Участников попросили заполнить стандартизированную анкету,

¹ Ареал исследования трудоспособного городского населения 2009/2010 гг., N=1200; 2013 г., N=1126; 2016 г. N=1337; 2018 г. N=1406; 2020 г. N=1259 в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Омске, Челябинске, Уфе, Сыктывкаре, Архангельске, Краснодаре, Казани, Екатеринбурге, Тюмени и Перми.

² Ошибка выборки составляет не более 3% (с доверительной вероятностью 0,95). Все приведённые в работе значения являются статистически значимыми на уровне 95%.

³ Выборка исследования не является полностью репрезентативной для всего взрослого населения России, однако выбранные города представляют регионы с различной степенью алкоголизации населения, но с более или менее сходными условиями с городами, оставшимися за пределами исследования. Такая схема достаточно представительна с точки зрения охвата городского населения РФ.

оценив своё эмоциональное состояние и поведение в отношении употребления алкоголя до и во время изоляции от пандемии. Как и в предыдущих наших работах, интенсивность употребления спиртного изучалась через измерение частоты питья: частое употребление (от 1 до 7 раз в неделю), регулярное употребление (от одного до 3 раз в месяц), эпизодическое употребление (от раза в 2–3 месяца до нескольких раз в год), редкое употребление (раз в год и реже) [4]. Для оценки изменения алкогольного поведения в условиях пандемии респондентов просили сравнить их потребность в алкоголе (желание выпить), употребление алкоголя, покупки спиртного в период начала пандемии с тем, что было до этого. Использовалась трёхуровневая шкала («чаще», «реже», «без изменений»). Для описания некоторых социально-демографических характеристик потребителей спиртного в массиве традиционно были выделены группы, различающиеся по уровню материального положения¹ и социально-профессиональному статусу².

Проведение онлайн-опросов сопровождалось вторичным анализом имеющихся статистических и социологических данных по исследуемой проблематике (Росстат, Минздрав, ВЦИОМ, российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)³ за 1994–2020 гг.), отражающих показатели употребления алкоголя в различных группах населения. Был проведён анализ специальной литературы по теме исследования. Также использованы материалы опроса экспертов, проведённого на различных этапах пандемии (апрель и ноябрь 2020 г., N=10).

Методолого-методические особенности изучения изменения алкогольного поведения в условиях пандемии заключались в понимании исследователями того факта, что изучаемые социальные процессы были обусловлены высокой динамичностью социальной ситуации, противодействием объекта исследования получению информации («пассивность» объекта), существенной зависимостью состояния и динамики объектов от среды (этап пандемии, меняющаяся эконо-

¹ «Бедные» — респонденты, указавшие, что им хватает денег на еду, но покупка одежды для них уже проблематична. «Нуждающиеся» отметили, что для них затруднительно приобретение товаров длительного пользования (холодильник, телевизор и т. п.). Респондентам со средними доходами доступна бытовая техника, но покупка машины невозможна. Респонденты с доходом «выше среднего» могут позволить себе все, кроме покупки квартиры или дачи. «Богатые» респонденты отметили, что могут позволить себе все, в том числе квартиру и дачу. Деление на группы по уровню материального положения осуществлялось по оценкам респондентов своего жизненного уровня.

² Руководители высшего звена (руководитель предприятия или его заместитель, владелец бизнеса и др.), руководители среднего звена (руководитель подразделения, отдела, главбух, шеф-повар, заведующий кафедрой и др.), специалисты с высшим образованием без подчинённых (врач, инженер, учитель, юрист и др.), служащие (секретарь, кассир, машинистка, нижнее звено аппарата управления, армии или полиции и прочие работники, не занятые ручным трудом), рабочие любой квалификации (строитель, токарь, механик и др.), работающие на себя без руководителей (индивидуальный предприниматель, репетитор, фрилансер, сетевой маркетинг и др.).

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 05.08.2022) и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 05.08.2022)

мическая ситуация, разнообразие вводимых противоэпидемических мер и др.). Некоторые социальные характеристики, обусловленные самим эмпирическим материалом, могут быть объяснены как прямой результат употребления алкоголя.

Алкогольная ситуация в России в допандемический период и первый год пандемии — основные тенденции

До 2020 г. и до начала пандемии COVID-19 в России происходили различные процессы, связанные с трансформацией ситуации с распространением употребления алкоголя среди населения. Так, последние 10–15 лет потребление спиртных напитков в России постоянно снижалось. В результате поэтапного осуществления государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкоголем в России к 2020 г. потребление алкоголя среди людей старше 15 лет сократилось относительно 2010 г. на 32% — с 15,8 л до 10,8 л этанола.¹ Снижались показатели как общей, так и первичной заболеваемости алкогольными расстройствами [2; 3]. Следует отметить, что в 2020 г., в год пандемии COVID-19, тенденция к снижению общей и первичной заболеваемости алкогольными расстройствами по всем выделяемым диагностическим группам не только продолжилась, но и значительно ускорилась. При этом был отмечен более быстрый темп снижения первичной заболеваемости, являющейся чувствительным индикатором изменяющихся социальных условий, по сравнению с общей [2, с. 25].

Если обратиться к социологическим данным и опросам общественного мнения, то большинство исследований, включая многолетние исследования, проводимые сектором социологии девиантного поведения ФНИСЦ РАН, также свидетельствуют о тренде на снижение употребления алкоголя за последние 10–15 лет. Согласно данным ВЦИОМ, доля трезвенников выросла с 26% в 2009 г. до 40% в 2018 г.² Материалы наших онлайн-опросов городского трудоспособного населения также внушают некоторый оптимизм: доля трезвенников выросла с 7% в 2009 г. до 16% в 2020 г.

В последние два десятилетия произошёл существенный сдвиг в структуре употребления алкоголя. Наметился переход от крепких спиртных напитков к более лёгким. Согласно материалам российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, с 1995 г. по 2020 г. почти в 2 раза сократилось потребление водки, а с 2000 г. наблюдается плавное волнообразное увеличение потребления вин и шампанского. Употребление пива сохраняет свою популярность с 2001 г. (рис. 1).

¹ Потребление алкоголя среди россиян сократилось на треть // РБК. [сайт]. 2021 г. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/608a572f9a794736a85c7681> (дата обращения: 15.04.2022)

² Алкоголь на фоне пандемии // ВЦИОМ. [сайт]. 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/alkogol-na-fone-pandemii> (дата обращения 25.05.2022)

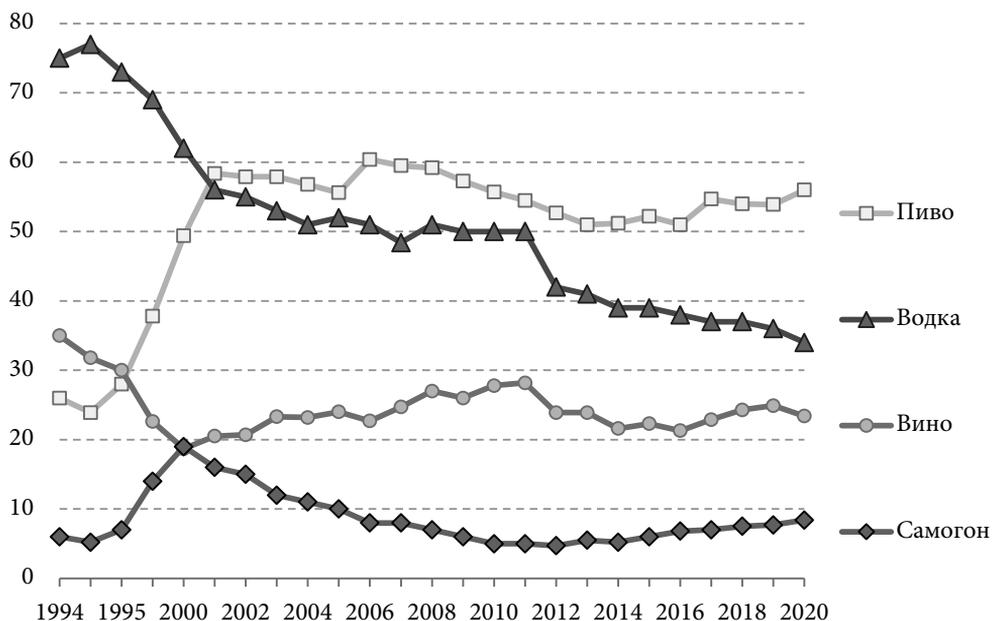

Рис. 1. Распространённость употребления некоторых видов алкоголя за последние 30 дней в возрасте 15 лет и старше за период 1994–2020 гг., %¹

Пандемический 2020 г. обозначился ростом потребления пива, что согласуется с данными по продажам спиртного в 2020 г., когда рост продаж показали слабоалкогольные напитки². После многолетнего падения вновь вырос интерес к самогону, употребление которого с 2012 г. по 2020 г. выросло почти в 2 раза: с 4,7 до 8,4%. Мы отдаём себе отчёт в том, что к данным 2020 г. нужно относиться с некоторой настороженностью, так в этот год началась пандемия.

В условиях пандемии многолетний тренд на снижение алкоголизации прервался, и потребление алкоголя вновь стало возрастать. Данные наших онлайн-опросов трудоспособного городского населения показали, что значимого снижения потребления алкоголя среди городского населения, фиксируемого статистикой, не происходит, и, несмотря на видимый рост числа тех, кто вообще не употребляет алкоголь, доля часто и регулярно пьющих спиртное сохраняется относительно стабильной на протяжении 10 лет (табл. 1). Группа трезвенников увеличивается в основном за счёт уменьшения тех, кто пьёт эпизодически, а не за счёт тех, кто злоупотребляет спиртным.

¹ График составлен по данным мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) за 1994–2020 гг.

² Смирнов В. Продажи пива в России летом стали рекордными за последние три года // ТАСС [сайт]. 2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10037879> (дата обращения: 10.06.2022)

Таблица 1

**Частота употребления алкоголя среди
городского трудоспособного населения в 2009–2020 гг., %**

Частота употребления спиртного	2009/2010	2013	2016	2018	2020
Пьют часто	28	27	26	31	31
Пьют регулярно	34	30	30	29	32
Пьют эпизодически	25	30	29	24	17
Пьют редко	3	3	5	5	2
Не употребляют спиртное	7	8	9	11	16
Затруднились ответить	3	2	1	0	2
Всего	100	100	100	100	100

Отмечается усугубление некоторых алкогольных привычек. Выросло количество тех, кто сильно напивался в течение последнего года: с 20% в 2009/2010 гг. до 27% в 2020 г. Доля тех, кто опохмелялся за последний год, также незначительно возросла: с 12% в 2009/2010 гг. до 18% в 2018 году и 19% в 2020 г. Произошли значительные изменения в возрастной структуре потребления алкоголя. Среди совсем молодых «зумеров» (18–23 года) и «молодых взрослых» (24–29 лет) увеличилось количество тех, кто совсем не употребляет спиртное, и стало меньше тех, кто злоупотребляет спиртным. В старших возрастных группах, напротив, возросла доля часто пьющих: среди 40–59-летних с 26% в 2009/2010 гг. до 43% в 2020 г. (рис. 2). Схожие тенденции были выявлены в ходе международного ежегодного мониторингового исследования «The International Social Survey Programme». Согласно их данным, среди российской молодёжи 18–24 лет доля злоупотребляющих алкоголем сократилась с 61 до 45%, а среди людей 55 лет и старше – наоборот, выросла с 34 до 49%.¹

Частота употребления спиртного	Возрастные группы				
	18-23 лет	24-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет
Никогда (2009/2010)	9	9	7	11	11
Никогда (2020)	26	18	13	9	12
Редко (2009/2010)	2	2	3	1	3
Редко (2020)	2	2	2	3	1
Эпизодически (2009/2010)	25	24	28	27	26
Эпизодически (2020)	19	17	16	13	15
Регулярно (2009/2010)	38	31	32	34	34
Регулярно (2020)	36	35	28	32	32
Часто (2009/2010)	26	34	30	26	26
Часто (2020)	16	27	41	43	40

**Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как часто вы пьёте спиртное?»,
% от количества ответивших в каждой возрастной группе**

¹ Караева О. Забота о здоровье // Левада-Центр. [сайт]. 2022. URL: <https://www.levada.ru/2022/03/28/zabota-o-zdorove/> (дата обращения 25.05.2022)

Левада-Центр – некоммерческая организация, признанная иностранным агентом.

Изменение образа жизни, качества жизни и алкогольных привычек

Пандемия существенно повлияла на образ жизни городских жителей: 43% респондентов отметили, что после начала пандемии их повседневная жизнь заметно ухудшилась, 41% не заметили никаких изменений, и только каждый десятый отметил улучшения. Были зафиксированы как положительные, так и отрицательные моменты. Каждый третий респондент отнёс к положительным аспектам возможность больше времени проводить с семьёй, близкими людьми. Возможность отдохнуть, выспаться, разгрузить себя от некоторых обязанностей и дел отметили 29%, возможность «переделать различные домашние дела, которые долго откладывал» – 28%. Об увеличении свободного времени и возможности разнообразить досуг сообщил каждый четвёртый респондент (25%). К сожалению, уделять больше времени своему здоровью и спорту, наладить режим дня в период «удалёнки» смогли только 10% опрошенных, а о повышении эффективности рабочего процесса сообщили лишь 5% респондентов.

Наиболее значимым негативными факторами для опрошенных стали финансовые трудности и снижение доходов (31%). Так, если до пандемии 58% респондентов работали полный рабочий день, а 12% трудились неполный рабочий день или по совместительству, то после повсеместного введения локдаунов 13% работающих полный день и 21% работающих по совместительству или не полный день потеряли работу или были отправлены работодателем в неоплачиваемый отпуск. Наибольший урон нанесла пандемия рабочим и служащим: среди них почти каждый третий потерял работу, попал под сокращение или был отправлен в неоплачиваемый отпуск. Среди руководителей – 18%, среди специалистов с высшим образованием без подчинённых – 13%.

Пандемия COVID-19 изменила не только образ жизни людей, но и их алкогольное поведение и привычки. В первую очередь это выразилось в усилившемся желании употребить спиртное в условиях пандемии. Каждый четвёртый респондент «стал чаще ловить себя на мысли, что хочет выпить», 5% делали это реже, чем раньше, 56% не заметили никаких изменений. Каждый десятый стал покупать больше спиртных напитков, чем до пандемии, при этом в основном выросли покупки лёгких спиртных напитков (16%). Увеличение покупок крепкого спиртного не столь велико – 5%. Покупки спиртного возросли у тех респондентов, кто отметил усиление желания выпить (табл. 2).

Большая часть опрошенных (62%) не заметили никаких изменений в употреблении алкоголя с началом пандемии, однако каждый четвёртый увеличил употребление. Каковы же причины увеличения склонности к употреблению алкогольных напитков с началом пандемии? По мнению опрошенных, это, в первую очередь, скука (49%) и стресс (44%). Вторая причина – совместное употребление с близким человеком в домашних условиях в условиях вынужденного карантина (22%). Снижение доходов и потерю работы в качестве причины злоупотребления спиртным отметили 17 и 11% соответственно. Каждый десятый указал на частые ссоры

с домашними в закрытом пространстве жилья, трудности работы на непривычной «удалёнке» (9%), смену режима труда и отдыха (9%). Таким образом, трудности адаптации к изменившимся условиям привели к увеличению употребления алкоголя.

Таблица 2

Изменение покупок алкоголя в зависимости от желания употребить спиртное,
% от количества ответивших в каждой целевой группе

Покупки алкоголя	Желание употребить спиртное возросло	Желание употребить спиртное не изменилось
Стали покупать спиртное чаще или в большем количестве	34	1
Стали покупать крепкие спиртные напитки (водка, коньяк, виски и др.) чаще или в большем количестве	16	2
Стали покупать лёгкие спиртные напитки (пиво, вино, шампанское и др.) чаще или в большем количестве	43	4
Покупки спиртного не изменились	12	82

Пандемия повлияла на структуру употребляемых спиртных напитков. Как было отмечено выше, 2020 г. обозначился ростом потребления пива, что согласуется и с данными нашего опроса. Пиво занимает первое место в структуре потребляемых напитков, при этом каждый четвёртый увеличил его потребление, каждый десятый уменьшил. Водка занимает второе место среди наиболее употребляемых напитков, однако пандемия практически никак не повлияла на её употребление (табл. 3).

Таблица 3

Частота употребления различных видов спиртного во время периода самоизоляции,
% от количества ответивших в каждой группе

Спиртные напитки	Употребление спиртного		
	Возросло	Никак не изменилось	Снизилось
Пиво	24	64	11
Водка	15	70	15
Виски	11	75	14
Вино сухое, полусухое	11	76	13
Самогон	10	82	8
Вино сладкое, полусладкое	10	77	13
Коньяк	9	76	15
Коктейли (в банках, бутылках)	9	76	15
Игристые вина, шампанское	8	81	11
Вино (домашнее)	5	82	13

Изменения, произошедшие в потреблении того или иного напитка, не одинаковы в различных социально-профессиональных группах. Увеличение потребления пива произошло во всех социальных группах, но, в первую очередь, среди рабочих и фрилансеров. Потребление водки значительно выросло среди фрилансеров и в некоторой степени у руководителей высшего звена. Специалисты с высшим образованием без подчинённых с началом пандемии увеличили потребление лишь сухих вин, а руководители среднего звена стали больше употреблять виски и коньяка.

Роль социально-демографических характеристик в изменении алкогольного поведения в момент пандемии

Алкогольное поведение в первые месяцы пандемии связано с социально-демографическими характеристиками. Начало пандемии охарактеризовалось усилением желания выпить как у мужчин, так и у женщин в равной степени. Однако гендерные различия в употреблении спиртного оказались традиционны – учащение и утяжеление алкопотребления в начале пандемии произошло в большей степени среди мужчин (табл. 4–5).

Таблица 4

**Связь социально-демографических характеристик
 с изменением алкогольного поведения в период самоизоляции,
 % от количества ответивших в каждой целевой группе**

Социально-демографические характеристики	Желание употребить спиртное			Употребление спиртного			
	Выросло	Не изменилось	Снизилось	Увеличилось	Сначала увеличилось, потом нормализовалось	Не изменилось	Уменьшилось
Пол							
Мужской	26	69	5	13	15	60	12
Женский	26	68	6	8	13	64	15
Возраст, лет							
18–23	24	68	8	6	14	63	17
24–29	29	64	7	13	14	60	13
30–39	35	61	4	10	18	59	13
40–49	26	70	4	12	15	66	7
50–59	14	83	3	10	9	64	17
60+	16	77	8	6	7	74	13

Продолжение таблицы 4

Социально-демографические характеристики	Желание употребить спиртное			Употребление спиртного			
	Выросло	Не изменилось	Снизилось	Увеличилось	Сначала увеличилось потом нормализовалось	Не изменилось	Уменьшилось
Материальное положение							
Бедные	31	63	6	7	15	66	12
Ниже среднего	22	68	10	7	13	64	16
Со средним достатком	28	68	4	12	14	63	11
Выше среднего	28	66	6	10	17	58	15
Богатые	25	67	8	18	10	52	20
Социально-профессиональный статус							
Рабочие	27	70	2	10	15	66	9
Служащие	30	67	3	10	15	64	11
Специалисты с в/о без подчинённых	28	66	6	10	14	62	14
Руководители среднего и высшего звена	25	71	4	14	18	56	12
Образование							
Полное и неполное среднее	25	67	7	9	10	62	19
Среднее специальное	28	69	3	10	14	67	9
Неоконченное высшее	30	62	8	11	18	56	15
Высшее, 2 высших, учёная степень	25	69	6	9	13	64	13
Изменение социального статуса							
Потеряли доход, сбережения, работу	37	58	5	15	18	54	13
Сохранили работу, доход не изменился или увеличился	9	88	3	4	5	80	11

Наиболее уязвимыми к употреблению алкоголя в период самоизоляции оказались горожане 24–49 лет – самая активная и трудоспособная часть населения. Почти каждый третий в этой возрастной группе отметил, что с началом пандемии стал пить больше. В основном выросло употребление пива, однако старшие возрастные группы (40–49 лет) стали пить и больше водки. Группа 40–49-летних горожан интересна тем, что здесь самая незначительная доля снизивших употребление спиртного в пандемию. Одновременно в этой группе наблюдалось более тяжёлое алкогольное поведение в период локдауна – большая склонность сильно напиваться и опохмеляться (табл. 5).

Таблица 5

**Социально-демографические характеристики и изменение алкогольных привычек
 в первые месяцы пандемии COVID-19,
 % от количества ответивших в каждой целевой группе**

Социально-демографические характеристики	Алкогольные привычки	
	Случалось сильно напиваться во время локдауна	Случалось опохмеляться во время локдауна
Пол		
Мужчины	18	15
Женщины	11	4
Возраст, лет		
18–23	15	4
24–29	14	5
30–39	16	10
40–49	20	19
50–59	12	13
60+	7	7
Материальное положение		
Бедные	20	12
Ниже среднего	13	7
Средние	15	9
Выше среднего	13	9
Богатые	24	15
Социально-профессиональный статус		
Рабочие	21	13
Служащие	19	9
Специалисты с в/о без подчинённых	12	10
Руководители	23	21
Образование		
Полное и неполное среднее	13	6
Среднее специальное	15	7
Неоконченное высшее	18	6
Высшее, 2 высших, учёная степень	15	5
Изменение социального статуса		
Потеряли доход, сбережения, работу	17	10
Сохранили работу, доход не изменился или увеличился	12	8

Более внимательное рассмотрение половозрастных характеристик позволило выявить группы риска среди мужчин и женщин разного возраста. Мужчины 24–29 лет острее других в период локдауна ощущали потребность в алкоголе (42%) и больше других увеличили частоту потребляемого спиртного – 38% (в остальных группах мужчин от 14 до 28%). В основном они употребляли пиво. Эта группа мужчин употребляла алкоголь в локдаун часто, но без значительных последствий (практически не напивались и не опохмелялись). Сложная ситуация с употреблением спиртного выявлена в группе 40–49-летних мужчин. Для них характерны покупка и употребление в период пандемии крепких алкогольных напитков (преимущественно водки). Среди них выше доля тех, кто за период с начала пандемии сильно напивался – каждый третий (в остальных возрастных группах мужчин от 5 до 21%) и опохмелялся – каждый пятый (в остальных возрастных группах мужчин от 2 до 16%).

Женщины 30–39 лет чаще других испытывали в локдаун желание выпить, но наиболее заметное увеличение частоты потребления произошло среди женщин двух возрастных групп: 30–39 лет и 40–49 лет. Так, если среди 18–29-летних в пандемию стали чаще пить каждая пятая, то среди 30–49-летних – каждая третья. Самый низкий рост потребления в пандемию отмечен среди женщин 50–60 лет – 6–9%. Во всех возрастных группах отмечается увеличение употребления пива и сухого вина. Совсем молодые горожанки 18–23 лет в пандемию пили «редко, но метко» – каждая пятая сильно напивалась (среди 24–49-летних – каждая десятая, среди 50–60+ 3–6%). Однако в отличие от других групп, женщины 40–49 лет не только напивались в период начала пандемии, но и опохмелялись (7%), что можно считать признаком сформировавшегося алкоголизма. Особенности употребления спиртного женщинами в пандемию отражают специфику женского потребления в различных возрастных группах до начала пандемии [4].

Таким образом, наибольшему риску алкоголизации в пандемию оказались подвержены мужчины 24–29 и 40–49 лет и женщины 18–23 и 30–49 лет. Среди 24–29-летних мужчин, увеличивших в пандемию потребление спиртного, более половины являются рабочими, а каждый третий – специалистами с высшим образованием без подчинённых. Особенностью этой группы являются возникшие трудности с работой (потеря работы, уход в неоплачиваемый отпуск). Среди мужчин 40–49 лет – каждый третий является руководителем высшего и среднего звена, ещё 35% – специалистами с высшим образованием без подчинённых. Причина их алкоголизации – домашний режим в связи с переходом на удалённую работу или в отпуск, но с сохранением заработной платы. Молодые женщины, увеличившие потребление спиртного, в основном являются служащими, а зрелые женщины – специалистами с высшим образованием и руководителями среднего звена. Для женщин, начавших в пандемию больше пить, характерна острая нехватка свободного времени и значительно выросшая бытовая нагрузка дома.

В ходе исследования проводилось изучение роли материальной обеспеченности в употреблении алкогольных напитков в пандемию. Исследование позволило выделить две группы риска по употреблению спиртного: наименее

обеспеченных — «бедные» — и наиболее обеспеченных — «богатые». Наименее обеспеченные группы опрошенных сильнее других ощущали потребность выпить (31%), при этом, в отличие от хорошо обеспеченных, реализовать свою потребность им было трудно — доля тех, кто фактически увеличил употребление спиртного в этой группе не столь велика (7% против 18% обеспеченных). Однако алкогольные привычки и «бедных», и «богатых» в пандемию можно охарактеризовать как наиболее пагубные среди всех выделенных групп. Каждый пятый среди «бедных» и каждый четвёртый среди «богатых» сильно напивались в период самоизоляции, а опохмелялись 12 и 15% соответственно (табл. 4–5).

Анализ открытых ответов на вопрос о причинах увеличения потребления выявил следующие различия: респонденты, отнесённые в исследовании по спецвопросам к «богатым», объясняли увеличение потребления, в первую очередь, скукой (46%), появлением свободного времени (34%) и стрессом из-за снижения доходов (31%). «Бедные» мотивировали усиление алкопотребления неопределённостью с работой (37%), снижением доходов (36%), стрессом (24%). Различия в мотивах употребления могут быть объяснены тем, что значительная часть «богатых» (32%) была переведена на удалённую работу, а проблемы с работой (увольнение, уход в неоплачиваемый отпуск) коснулись только 6,5% из них. В то же время среди «бедных» на «удалёнку» перевели лишь 16%, а проблемы с работой возникли почти у каждого третьего (28%). Отсутствие значимых негативных изменений в образе жизни отметили 40% «богатых» и 20% «бедных». А эмоциональное состояние в целом ухудшилось у 26% «богатых» и у 37% «бедных».

Изменение социального статуса (снижение или потеря доходов, сбережений, потеря работы) оказалось значимым фактором алкогольного поведения, что привело не только к усилению желания выпить (в 4 раза), но и к его реализации (в 3,5 раза). Респондентам, потерявшим доход или работу, равно как и тем, кто их сохранил, случалось сильно напиваться и опохмеляться в период локдауна (табл. 4–5). Однако именно потерявшие работу респонденты отметили, что в пандемию стали делать это чаще.

Изменение употребления алкоголя в первые месяцы пандемии связано с привычным потреблением спиртного до пандемии. Чем более проблемным было употребление спиртного до начала пандемии, тем более выраженным стало употребление спиртного с началом пандемии. Так, например, алкогольное поведение так называемых «проблемных» пьяниц, которые злоупотребляли спиртным до пандемии (употребляли спиртное от 1 до 7 раз в неделю) и имели соответствующие характеристики алкогольного поведения, усугубилось (табл. 6).

Следует, однако, отметить, что группа регулярных потребителей спиртного (от 1 до 3 раз в месяц), несмотря на меньшую пагубность потребления, отличается по алкогольным характеристикам в период пандемии от группы «проблемных» незначительно. Основное отличие в большем предпочтении лёгкого спиртного.

Таблица 6

Алкогольное поведение и алкогольные привычки горожан в период локдауна в зависимости от обычной (до пандемии) частоты употребления алкоголя, % от количество ответивших в каждой группе

Алкогольное поведение и некоторые алкогольные привычки	Частота употребления алкоголя			
	Часто	Регулярно	Эпизодически	Редко
Возросло желание выпить	38	27	22	9
Стали употреблять спиртное чаще или в большем количестве	17	10	5	2
Сначала увеличили употребление спиртного, затем нормализовали	22	12	10	5
Стали покупать крепкие спиртные напитки чаще или в большем количестве	11	4	3	0
Стали покупать лёгкие спиртные напитки чаще или в большем количестве	14	20	9	5
Покупки спиртного не изменились	55	53	59	75
Стали покупать спиртное реже или в меньшем количестве	8	12	14	8
Увеличили потребление пива	30	26	7	1
Увеличили потребление водки	21	12	4	0
Увеличили потребление вин	13	10	4	1
Сильно напивались в период локдауна	24	16	8	3
Опохмелялись в период локдауна	18	7	3	0

Психическое здоровье горожан во время пандемии и употребление алкоголя

Пандемия COVID-19 и принятые в её начале противоэпидемические меры значительно ограничили социальные контакты, способствуя тем самым углублению изоляции. Поэтому распространение коронавирусной инфекции оказало на человечество не только физическое воздействие, но повлияло и на психоэмоциональное состояние граждан. По данным ВЦИОМ, пик тревожности россиян приходился на конец апреля – начало мая 2020 г., тогда тревожность испытывали 84–86% респондентов¹. По данным нашего онлайн-опроса, более трети (31%) респондентов отметили усиление стресса и напряжения в период пандемии, каждый четвёртый – усиление тоски, печали, грусти (26%), а также страха и тревоги (26%), каждый пятый сообщил о чувстве скуки (22%), усталости и бессилии (18%), гнева, раздражении и злости (18%). Резкое ухудшение эмоционального состояния выявлено, прежде всего, в группах респондентов, кто потерял доход или работу – 58%. Среди горожан, чей социальный статус не менялся, только каждый десятый почувствовал ухудшение эмоционального состояния. В основном потеря социального статуса связана с усилением таких чувств, как стресс, тоска и чувство тревоги.

¹ ВЦИОМ: россияне пережили пик тревожных настроений из-за пандемии коронавируса // ТАСС. [сайт] 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8734855> (дата обращения 25.05.2022)

В исследовании выявлена взаимосвязь между психоэмоциональным состоянием и алкогольным поведением. Оказалось, что потребность в алкоголе и рост употребления спиртного в период самоизоляции сильнее выражены у респондентов, отметивших как ухудшение эмоционального состояния, так и его улучшение. У респондентов, не ощущавших в локдаун никаких эмоциональных перепадов, желание выпить было выражено слабее всего, а потребление спиртного практически не изменилось. Так, среди тех, кто отметил ухудшение психоэмоционального фона, 40% испытывали усиление желания выпить и 33% увеличили потребление спиртного. Среди тех, кто отмечал улучшение настроения, у каждого четвёртого повысилось желание выпить, и каждый пятый стал пить чаще. У горожан, переносивших тяготы пандемии без особых эмоциональных перепадов, алкогольное поведение изменилось незначительно: 16% почувствовали усилившуюся потребность в спиртном, 14% увеличили потребление алкоголя, 10% увеличили покупки лёгкого спиртного.

Различные эмоции (страх и тревога, стресс и напряжение, тоска и грусть, злость и гнев, апатия и бессилие, скука), испытываемые горожанами в пандемию, оказались по-разному связаны с алкогольным поведением. Наиболее сильное желание выпить в пандемию ощущали горожане, отметившие усиление стресса и тоски. Фактически заметнее других увеличили частоту потребления спиртного респонденты, находящиеся в стрессе. Среди них выросли как покупки, так и потребление лёгких спиртных напитков – пива, сухого и сладкого вина. Горожане, ощущавшие в условиях пандемии тоску и грусть, в большей степени увеличили употребление крепкого алкоголя – водки, коньяка и виски. Чаще других в пандемию сильно напивались и опохмелялись горожане, испытывающие скуку. Большинство иностранных исследований, проведённых в первые месяцы распространения коронавируса, также связывают увеличение употребления спиртного с воздействием стресса, спровоцированного пандемией, а повышение потребления рассматривают как дезадаптивную копинг-стратегию его преодоления [5; 6; 7].

Заключение

Материалы исследований позволяют заключить, что, несмотря на позитивный тренд к снижению темпов потребления спиртного в России, фиксируемый как статистикой, так и проведёнными социологическими исследованиями, алкогольная ситуация в России до пандемии сохранялась достаточно напряжённой, наблюдался ряд тревожных тенденций. Это сохраняющийся высокий уровень тех, кто злоупотребляет алкоголем, усугубление алкогольных привычек в некоторых социальных группах, распространение употребления алкоголя в старших возрастных группах, изменение моделей потребления, которые приняли более социально приемлемые, но при этом завуалированные формы.

Пандемия COVID-19 изменила образ жизни людей, в том числе повлияла на их привычки к употреблению алкоголя [1]. В начале пандемии часть экспертов прогнозировали, что повсеместное введение локдаунов, социальное дистанцирование и закрытие общественных традиционных мест употребления спиртного (а в некоторых

регионах и закрытие продаж), страх перед заболеванием, агитация в СМИ о важности ведения здорового образа жизни, сообщения о числе заболевших, о смертельных случаях, перевод на удалённую работу приведут к изменению у населения отношения к своему здоровью и потенциальному снижению алкоголизации населения. Известно, что, с одной стороны, употребление алкоголя в значительных количествах используется некоторыми людьми для снятия стресса, с другой стороны — способствует значительному ухудшению здоровья. Тем не менее, как показало исследование, на начальных этапах пандемии алкоголизация населения различных групп не только не уменьшилась, но и начала расти. Это выразилось в усилении влечения к спиртному во всех исследуемых группах. Отметим, что желание выпить — важная предпосылка алкоголизации, и каждый четвёртый опрошенный отметил как увеличение желания выпить, так и увеличение потребления спиртного на начальных этапах пандемии. Существенно выросли покупки лёгких спиртных напитков, в особенности пива, потребление которого также возросло.

Некоторые группы населения увеличили потребление алкоголя больше, чем другие. Наибольшему риску оказались подвержены трудоспособные и активные граждане в возрасте 24–49 лет, имеющие или совсем низкие или высокие доходы. И наша и мировая практика показывает, что структура и объём потребляемых спиртных напитков зависит от уровня доходов (т. н. U-образная зависимость). Больше всего пьют люди с низким уровнем доходов. В структуре их потребления значительно преобладают крепкие алкогольные напитки. Кроме того, бедные потребляют больше всего нелегального, а значит самого дешёвого и некачественного алкоголя. Меньше всего употребляют спиртные напитки люди со средним достатком (средний класс), а при увеличении дохода выше среднего кривая потребления алкоголя снова начинает расти, при этом ими если и употребляется крепкий алкоголь, то уже другого качества и стоимости. Состоятельные люди потребляют алкоголь достаточно часто, но в меньших объёмах, чем бедные. В наших исследованиях было выявлено, что в условиях пандемии потребность в алкоголе сильнее обозначилась у самых бедных, однако увеличение потребления произошло у самых обеспеченных. При этом в обеих группах произошло утяжеление алкогольных привычек. Было выявлено, что мотивация употребления спиртного в условиях пандемии у бедных и богатых отличается: если богатые в условиях локдауна пили, в первую очередь, от высвободившегося свободного времени и скуки, и во вторую очередь, от стресса из-за возможной потери бизнеса, то бедные испытывали стресс от неопределённости перед будущим и потери работы.

В остальных группах (молодёжь и пожилые) алкоголизация в период пандемии была достаточно умеренной, однако многие респонденты отмечали повышение уровня стресса, агрессии.

Хотя пандемия не привела к повсеместному существенному увеличению потребления алкоголя среди городского населения, выявлен ряд социальных факторов риска, которые стали катализатором увеличения употребления алкоголя в некоторых группах населения. Наиболее значимыми факторами, влияющими на потребление спиртного, оказались: 1) стресс и депрессивное состояние, 2) изменение социального и материального статуса и 3) уровень привычного потребления спиртного (степень алкоголизации индивида).

Стресс. Любые отклонения от нормы рельефно проступают в ситуации нагрузки. Пандемия COVID-19 представляет собой именно такой фактор психической и социальной нагрузки. Известно, что повышенное употребление алкоголя является обычным явлением после травмирующих событий, а чрезмерное употребление алкоголя может быть реакцией на высокий уровень стресса. Распространение коронавирусной инфекции и введённые противоэпидемические меры нарушили работу людей и сообществ по всему миру, создав условия для длительного физического и психического стресса, повысив риск высокого уровня потребления алкоголя даже после окончания кризиса.

Изменение социального и материального статуса. Исследование показало, что те, кто потерял работу в период COVID-19, оказались более склонны к употреблению алкоголя по сравнению с сохранившими работу и даже по сравнению с теми, кто работал удалённо, и людьми со стабильной безработицей до COVID. Потеря дохода, связанная с пандемией, была однозначно связана с большей вероятностью роста потребления алкоголя. При этом именно среди потерявших работу или доход уровень стресса оказался наиболее высоким.

Значимым фактором оказался уровень привычного потребления спиртного (степень алкоголизации индивида). Была выявлена положительная связь между увеличением потребления спиртного в начале пандемии и тяжестью употребления алкоголя до распространения COVID-19. Судя по тому, что почти 40% часто пьющих почувствовали в период пандемии усиленное желание выпить, такой способ справляться со стрессом и адаптироваться к сложным социальным ситуациям является для них привычным паттерном поведения.

С нашей точки зрения, говорить сегодня о существенном понижении алкоголизации населения, зафиксированными статистикой и социологическими исследованиями в последнее десятилетие, не приходится. Несмотря на некоторые позитивные моменты в виде запретов употребления спиртного в общественных местах или даже запрет на продажу алкоголя, негативные тенденции, наблюдавшиеся в допандемический период, пандемия, скорее, усилила. Это важно учитывать в стратегиях профилактики и борьбы с алкоголизацией. Результаты исследования имеют значение для будущих пандемий или других бедствий, которые резко изменяют нашу социальную среду. С учётом современных новых социальных вызовов и ожиданием ухудшения социально-экономического положения в стране можно с некоторой долей достоверности прогнозировать утяжеления алкогольного поведения у значительной части населения.

Список литературы

1. Изменения особенностей потребления алкоголя в Российской Федерации в первые месяцы пандемии COVID-19 / А. Ю. Гиль, К. В. Вышинский, Е. В. Фадеева, Р. А. Хальфин // Проблемы стандартизации в здравоохранении. 2021. № 5–6. С. 63–73. DOI 10.26347/1607-2502202105-06063-073. EDN WHKYCZ.

2. Деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2019–2020 годах : Аналитический обзор / В. В. Киржанова, Н. И. Григорова, Е. Н. Бобков [и др.]. М. : Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, 2021. 192 с. EDN BRDYWZ.

3. *Киржанова В. В.* Показатели общей и первичной заболеваемости наркологическими расстройствами в Российской Федерации в 1999–2009 годах: статистический сборник / В. В. Киржанова, О. В. Сидорюк М. : ФГУ «Национальный научный центр наркологии» Росздрава, 2010. 6 с.

4. *Позднякова М. Е.* Женское алкопотребление как форма адаптации к современным условиям: возрастные особенности / М. Е. Позднякова, В. В. Брюно // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 18 / Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф. 2020. С. 466–507. DOI 10.19181/ezheg.2020.21. EDN EWKHTC.

5. Alcohol Consumption during a Pandemic Lockdown Period and Change in Alcohol Consumption Related to Worries and Pandemic Measures / S. E. Alpers, J. C. Skogen, S. Mæland [et al.] // *Int J Environ Res Public Health*. 2021. Vol. 18, №3. P. 1220–1231. DOI: 10.3390/ijerph18031220

6. Depression, Anxiety and Stress during COVID-19: Associations with Changes in Physical Activity, Sleep, Tobacco and Alcohol Use in Australian Adults / R. Stanton, Q. G. To, S. Khalesi et al. // *International Journal Environ Res Public Health*. 2020. Vol. 17, № 11. P. 4065–4078. DOI 10.3390/ijerph17114065.

7. Drinking to cope during COVID-19 pandemic: The role of external and internal factors in coping motive pathways to alcohol use, solitary drinking, and alcohol problems / J. D. Wardell, T. Kempe, K. K. Rapinda et al. // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2020. Vol. 44, № 10. P. 2073–2083. DOI 10.1111/acer.14425

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Позднякова Маргарита Ефимовна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социологии девиантного поведения, Институт социологии ФНИСЦ РАН.
E-mail: margo417@mail.ru
AuthorID РИНЦ: 140027

Брюно Виктория Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
E-mail: victoria.bruno@mail.ru
AuthorID РИНЦ: 181955

Дата поступления в редакцию: 01.06.2022. Принята к печати: 28.06.2022.

DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9195

Alcohol Consumption in Russia During the COVID-19 Pandemic

Margarita E. Pozdniakova¹, Viktoriia V. Briuno¹

¹ Institute of Sociology of the FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Pozdnyakova M. E., Briuno V. V. (2022). Alcohol consumption in Russia during the COVID-19 pandemic. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 10, № 3. P. 25–44. DOI 10.19181/snsp.2022.10.3.9195

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main changes in alcohol consumption during the spread of coronavirus infection in Russia. The work is based on the results of an online survey of the urban working-age population aged 18–60+ (May–August 2020), as well as several waves of previous online studies (2009–2019) conducted by the Department of the Sociology of Deviant Behavior of the Federal Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences. The online surveys were accompanied by a secondary analysis of the available statistical and sociological data on the issues under study (Rosstat, Ministry of Health, VCIOM, the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE)), reflecting the indicators of alcohol consumption in various population groups. The paper examines what changes have occurred in patterns of drinking and everyday alcohol practices at the beginning of the pandemic (frequency and nature of alcohol consumption and intoxication, motives for consumption, attitudes towards alcohol) in different age and gender groups. It is shown that, despite the trend of the last ten years to reduce alcohol consumption, by the time of the pandemic, the alcohol situation in Russia remained tense. It was found that, although the pandemic did not lead to a widespread significant increase in alcohol consumption among the urban population, there were risk groups that increased alcohol consumption during the pandemic more than others. A number of social risk factors have been identified that have led to an increase in alcohol consumption in some populations. A number of social risk factors that have been catalysts for an increase in alcohol consumption in some population groups have been identified: 1) stress, 2) changes in social and material status, and 3) a high level of habitual alcohol consumption (the degree of alcoholization of an individual). The empirical data allows to make the following conclusions: although the pandemic has not led to a widespread significant increase in alcohol consumption among the urban population, there were risk groups that increased alcohol consumption during the pandemic more than others. The pandemic has intensified the negative trends of alcoholization of the urban population observed in the pre-pandemic period.

Keywords: alcohol; working-age population; patterns of alcohol consumption; pandemic, COVID-19

REFERENCES

1. Gil' A. Yu., Vyshinskiy K. V., Fadeeva E. V., Khal'fin R. A. *Izmeneniya osobennostej potrebleniya alkogolja v Rossijskoj Federatsii v pervye mesyatsy pandemii COVID-19* [Changes in alcohol consumption in the Russian Federation during the first months of the COVID-19 pandemic] *Problemy standartizatsii v zdravookhranenii*. № 5-6. P. 63–73. DOI: 10.26347/1607-2502202105-06063-073. (In Russ.).
2. Kirzhanova V. V., Grigorova N. I., Bobkov E. N., Kirzhanov V. N., Sidoryuk O. V. (2021). *Deyatel'nost' narkologicheskoy sluzhby v Rossijskoj Federatsii v 2019–2020 godah: Analiticheskij obzor*. [Activities of the Narcological Service in the Russian Federation in 2019–2020: An Analytical Review]. «NMITs PN im. V. P. Serbskogo». 192 p. (In Russ.).
3. Kirzhanova V. V., Sidoryuk O. V. (2010). *Pokazateli obshhej i pervichnoj zabolevaemosti narkologicheskimi rasstrojstvami v Rossijskoj Federatsii v 1999–2009 godah: statisticheskij sbornik*. [Indicators of general and primary morbidity with narcological disorders in the Russian Federation in 1999–2009: statistical compendium]. M.: FGU «Natsional'nyy nauchnyy tsentr narkologii». 6 p.
4. Pozdnyakova M. E., Bryuno V. V. (2020). *Zhenskoe alkopotreblenie kak forma adaptatsii k sovremennym usloviyam: vozrastnye osobennosti* [Female alcohol consumption as a form of adaptation to modern conditions: age features]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Ed. by M. K. Gorshkov. M.: Novyj Khronograf publ. Vyp.18. P. 466–507. DOI: 10.19181/ezheg.2020.21. (In Russ.).

5. Alpers S. E., Skogen J. C., Mæland S., Pallesen S., Rabben Å. K., Lunde L. H., fadnes L.T. (2021) Alcohol Consumption during a Pandemic Lockdown Period and Change in Alcohol Consumption Related to Worries and Pandemic Measures. *Int J Environ Res Public Health*. №18(3). P. 1220–1231. DOI: 10.3390/ijerph18031220

6. Stanton R., To Q. G., Khaesi S., Williams S. L., Alley S. J., Thwaite T. L., Fenning A. S., Vandelanotte C. (2020). Depression, Anxiety and Stress during COVID-19: Associations with Changes in Physical Activity, Sleep, Tobacco and Alcohol Use in Australian Adults. *Int J Environ Res Public Health*. №17(11). P. 4065–4078. DOI: 10.3390/ijerph17114065

7. Wardell, J. D., Kempe, T., Rapinda, K. K., Single, A., Bilevicius, E., Frohlich, J. R., Hendershot, C. S., & Keough, M. T. (2020). Drinking to cope during COVID-19 pandemic: The role of external and internal factors in coping motive pathways to alcohol use, solitary drinking, and alcohol problems. *Alcohol Clin Exp Res*. №44(10). P. 2073–2083. DOI:10.1111/acer.14425

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pozdniakova Margarita Efimovna, Candidate of Philosophy,
Leading Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: margo417@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-7896-5115

Briuno Viktoriia Vladimirovna, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: victoria.bruno@mail.ru

ORCID Id: 0000-0001-9735-024X

The article was submitted on June 01, 2022. Accepted on June 28, 2022.